

Многотысячная толпа собралась под вечерним дождем, чтобы посмотреть наш выход, и мы в полной мере оправдали их ожидания. Орудия вскидывались в салюте, а охотничьи горны всех восемнадцати рыцарей громогласно оглашали площадь. Даже Антонис, хоть и не охотно, но присоединился к показательному шоу. Он стал ощутимо дальше от нас, после своей потери во время отступления на Грифоне IV.

Мой рыцарь кипел жизнью подо мной, гигантская машина такая же часть меня, как и конечности из плоти и крови. После прибытия в Вондрак, призраки рыцарей, носивших эту броню до меня, безучастно витали, давя на мое сознание.

Но рев толпы разбудил их.

Они вновь горели жаждой войны и славы.

Я чувствовал их на границе сознания, они подстегивали меня разогнать доспех до его максимальной скорости. Силой воли я на некоторое время подавил их пыл. Находясь неподвижным на троне Механикус, я видел и чувствовал мир через искусственные рецепторы так же реально, как и с помощью естественных чувств смертного тела. Более того, я был способен ощущать вещи ранее недоступные, те чувства, что дарует соединение с броней.

Я повернул головой, почувствовав требования воинственных духов показать им мир, за который мы будем сражаться.

Наш маршрут к городским стенам пролегал в стороне от тяжело индустриализированных районов города. Область Вондрака прайм по которой мы шествовали, целиком состояла из скользкого от дождя стекла, и полированной бронзы, освещаемой светом натриевых ламп. Отряд шел под искусно скрученными бронзовыми арками, напоминающими паутину механических пауков.

Рыцари шагали по городу, демонстрируя Имперскую мощь, и мне нравилось принимать в этом участие. Эскадрилья воздушных судов, выжигала конверсионные следы в темнеющем небе над нами, и едва различимые стаи воздушных форм жизни, на рваных крыльях, кружили чуть выше, это могли быть птицы, но маловероятно.

Солдаты и гражданские выстроились по всему пути следования, десятки тысяч, скандирующих и размахивающих флажками с аквилой, отяжелевших от дождя. Дети держали сигнальные огни и заводные игрушки в виде рыцарей.

— Ни одного флага с цветами Кадмус, — заметил Родерик, наблюдая то же, что и я.

— Когда мы вернемся, они появятся, — пообещал я ему.

— Хоть кто-нибудь из них понимает, что мы собираемся делать? — спросил Уильям.

Волнует ли их это вообще?

Даже в отсутствии Малкольма я слышал его воображаемый ответ Уильяму. Мой первый заместитель повел восьмерых своих рыцарей на юг, в свободный кузнечный комплекс Вердус Феррокс, где для Хранителей Кадмус было выделено место и ресурсы.

Корделия сказала, что даже несмотря на ее беседу с ним, он и другие по-прежнему недовольны исключением из миссии. Но только его боевые навыки достаточно высоки чтобы доверить охрану Корделии и других женщин. Последствия потери Персис для Антониса, определили мое решение, нравится это Малкольму или нет.

Я ответил Уильяму: — Они знают, что мы здесь для того, чтобы сражаться за Вондрак, этого вполне достаточно.

Монолитные городские стены предстали перед нами, шесть громоздких фигур собрались на зигзагообразных подступах перед ней. Пластины их брони мерцали под дождем, отражая пламя, полыхающее в больших жаровнях на вершинах башен, венчающих врата. Броня цвета яркого солнца напоминала Имперских Кулаков, но там, где Космические Десантники из легендарного ордена, соблюдали сдержанность в своих почетных знаках, рыцари дома Хоукшрауд не проявляли подобной скромности. Кроме геральдической красной аквиллы на плече, броню каждого рыцаря усеивало множество других знаков. Отметки кампаний, потрепанные знамена с полковыми гербами, эмблемы орденов и литании с прошлых заданий, сражались за место на доспехе. Никакого очевидного порядка, ни последовательности в декоративной иерархии среди нанесенных знаков не было. Производимый ими эффект вызывал раздражение, как будто рыцари однажды оставили свою броню в низших подуровнях улья, позволив местному сброду, изуродовать их своими украшениями.

Мое впечатление домом Хоукшрауд было не самым лучшим.

Невозможно было определить кто из них командующий. Все были одинаково увешаны эмблемами организации, миров и сражений. Затем один из рыцарей класса "Паладин", выступил вперед.

Актис Бардольф, насколько я помню.

Одна из его рук цепной "Жнец", когда-то бывший и у меня во время Охоты. Впоследствии я сменил его на старинное лезвие, когда поменял свой доспех на тип «Копье». Другая рука — это удлиненный ствол скорострельного оружия.

Архитипичная база рыцарской брони. Доспех хорошо ухожен, хотя, судя по количеству не заметных с расстояния коррозионных ожогов на ногах и оружейных креплениях, Бардольф и его рыцари недавно побывали в битве.

Все эти шрамы на фронтальной броне, изменили мое впечатление о Хоукшрауд в лучшую

сторону.

Мои рыцари замедлили движение и остановились позади меня, когда я встретился с «Паладином». Я гордо выпрямился и слегка поклонился лидеру рыцарей Хоукштрауд.

— Я имею честь обращаться к лорду Бардольфу из дома Хоукштрауд? — спросил я через пикт-вокс. Если его доспех оборудован как я ожидаю, Актис Бардольф увидит голографический бюст моей головы и плеч.

Мой собственный дисплей задрожал от статики и передо мной возникло лицо человека с желтоватой кожей, которого Корделия видела на смотровой площадке.

— Я Актис Бардольф, и я не лорд, — сказала изображение. — А вы я полагаю, барон Роланд из дома Кадмус.

— Да это так, — подтвердил я, догадываясь, что Хоукштрауд не из тех рыцарских домов, поддерживающих традицию длинных, сложных протоколов приветствия, наполненные формальными катехизисами, необходимыми перед каждым сражением.

— Вы прибыли как раз вовремя, — сказал Бардольф кривым тоном, который я мог принять за проявление неуважения.

Вспоминая совет Корделии прошлой ночью, я напустил свой самый формальный тон и сказал: — Воины дома Хоукштрауд, я барон Роланд из дома Кадмус, официально прошу у вас, уважаемый дом, помощи в достижении Викары и спасению Бинарного апостола Вондрака. Что ответит дом Хоукштрауд?

На мгновение я подумал, что он посмеется мне в лицо.

— Дом Хоукштрауд никогда не поворачивается спиной к просьбам о помощи, — сказал он, держа лезвие у груди. — Мое оружие и оружие моих воинов ваши, Магна Прецептор.

Я был так удивлен, что забыл принять эту честь.

В который раз я благодарен судьбе за такую прекрасную и мудрую супругу как Корделия.

— Ваша честь столь же велика, как о ней говорят, сир Бардольф, — сказал я.

Он кивнул и сказал: — Мы должны выдвигаться, барон Роланд, Бинарный апостол не спасет себя сам, так ведь?

Я повел нас через городские врата, быстро двигаясь через удаленный портовый район окруживший Вондрак прайм. Мой доспех «Копье» быстрее, чем любой другой рыцарь, и я продвигался на скорости сквозь дождь, напрягая все чувства до предела.

Привычная активность и шум занятого портового сооружения совершенно отсутствовали. Команды кораблей и громоздких погрузчиков, некогда нагружавшие корабли тысячами грузовых контейнеров, теперь гнули спины в мегалитических кузницах в сердце города.

Отныне ничего не покидает Вондрак. Подъемный механизм с железными конечностями неподвижно стоит на балластном шасси. Все городское военное производство направлено на нужды самой планеты.

Тиранидский рой еще не достиг Вондрак прайм, но это лишь вопрос времени. В это самое время, они наступают по всем возможным фронтам в шестидесяти километрах отсюда.

Я мог физически ощущать пустоту в огромных сооружениях, лишь стук дождя по крыше эхом заполнял эти склады. Вся станция снабжения теперь лежала в забвении.

Тираниды не располагают орбитальными наблюдательными системами, вместо этого они используют летающие единицы: мерзкие штуки на изорванных крыльях, способные видеть даже во тьме все, что покидало город.

А то что видит одна тварь, видят и остальные.

Такие большие и мощные машины как рыцари производили много шума, даже посреди такого шторма нас было легко заметить, в связи с чем мы были не одни. По совету архимагоса Кирано, мы замаскировали свое продвижение, внутри массивного развертывания.

Рота Траурных Мечей под командованием капитана Дейгона продвигалась на запад, в то время как южные и северные врата выпускали колонну за колонной быстро движущейся кавалерии полковника Руканаа, вооруженную мощным оборонительным оружием.

При поддержке двух когорт архимагоса Кирано и громоздких военных машин, посланных Ордо Редуктор, Кадмус и Хоукшрауд прошли через малые врата на юго-востоке. Скитарии и военные машины демонстративно заняли защитные позиции среди возвышающихся структур порта, и я повел рыцарей по узкому, затянутому паром каньону разрушенных кирпичных строений, огибая закрученные, висящие металлические конструкции.

Среди беспорядочных структур порта, мы будем сокрыты от воздушного наблюдения, это даст нам надежду остаться незамеченными для сенсоров летающих существ.

Я остановил «Копье» на открытом перекрестке. Впереди располагалась громоздкая поворотная платформа. Пересеченная глубокими рельсовыми дорожками, она использовалась для

вращения огромных тягачей, сейчас ее неактивные поршни шипели и выпускали струи пара.

Мерцающий свет, тускло вспыхивал в горячем и влажном тумане. Открытые, давно заброшенные контейнеры, валялись на рельсах, частично поглощенные туманом. Монструозная часть железнодорожного состава стояла по центру площадки — это был тягач. Его двигатель превратился в разорванное месиво с отметинами когтей и кислотных ожогов.

— Итак, получил ли он эти повреждения в горах и как-то прибыл сюда, или же привез с собой что-то мерзкое? — сказал Бардольф, заняв противоположный угол. Пиктер был неактивен, так что я слышал только голос.

— Полагаю, что последнее, — сказал я, идентифицируя разбросанные вокруг тягача, разрезанные человеческие тела. Каждое из них лишено внутренних органов, разбросанных вокруг на манер озадаченных адептов Механикус, пытающихся собрать неизвестный предмет архиотеха.

— Что могло сделать это? — проворчал Уильям, когда увидел сцену резни.

— Тварь похожая на богомола, — сказал Бардольф, — некоторые называют его ликтором. Я уже видел подобное. Они проникают на отступающие транспорты с ничего не подозревающей командой, и оставляют своего рода след, для остального роя. Они едут со своими жертвами, оставаясь незаметными, затем убивают несчастную команду.

— Вы думаете, оно все еще здесь? — спросил я.

— Нет, оно уже давно покинуло это место, — ответил он.

Думаю, что Бардольф прав. Я уже сражался с ликторами прежде и, хотя они перемещаются по одному, даже такого количества хватит, чтобы учинить большие неприятности. Я напряг ауспик, выходя за пределы его радиуса действия.

Внутренние помещения моего доспеха, внезапно стали горячее. Я чувствовал, как информационные призраки внутри него давили на основание моего черепа, желающие знать, что происходит.

Капельки пота покатались по черепу. Перегруженный ауспик шипел. Он искал.

Ничего. Ни на одном из спектров.

Остаточные радиационные следы от пустых контейнеров, и термальные помехи повсюду, делали невозможным надежное, четкое чтение. Внезапно, что-то появилось справа от меня, и я шагнул этому навстречу.

Мое ланс-орудие и реликтовое лезвие сигнализировали о включении, и заряжающий механизм дослал снаряд в ствол орудия.

— Ты нашел его? — быстро спросил Бардольф, в тот же миг, рыцари Хоукштрауд распределились, приводя оружие в боевую готовность.

— Нет, — сказал я, — ничего.

Цепи подъемника слегка колыхнулись. Колебания ли это неисправного механизма, или же пробежавшее существо, я не мог точно сказать.

— Выдвигаемся, — скомандовал я, понимая, что гоняться за тенями столь же опасно для миссии, как и бесполезно. — Уильям, Родерик сформируйте эшелон позади меня. Антонис со мной. Сир Бардольф, ведите своих рыцарей вокруг южной стороны платформы. Вход в сеть туннелей на противоположной стороне.

— Вас понял, — сказал Бардольф, и Хоукштрауд двинулись с места.

Я повел Кадмус через платформу, осторожно, стараясь не раздавить тела под ногами, аккуратно переставляя ноги. Вокруг них не было крови. Дождь вполне мог смыть ее следы, но я боюсь, что эти несчастные души были убиты далеко отсюда и разложены так, чтобы их нашли. Террор — один из видов оружия роя, наравне с клыками, когтями и кислотой.

Мы прошли развалины тягача, орудия заряжены и готовы. Каждый всплеск ауспика, отзывался толчком в спинном мозге, и требовалось делать усилие, преодолевая желание стрелять в каждую тень.

Едва мы пересекли платформу, и не моментом позже.

— Погода налаживается, — сказал сир Родерик.

Я взглянул вверх и убедился, что так и есть. Облака начали развеиваться и дождь пошел на спад. За считанные минуты мы остались без прикрытия от нежелательных взглядов.

— Сир Бардольф, — сказал я. — Пора спускаться под землю.

Я направился к ромбовидному арочному проходу, втиснутому в металлическую структуру. Несколько рельс выходили из-под земли через него. Он вел под поверхность Вондрака, проходя через коренную породу горы. Более тысячи километров подземных путей, множество разрозненных ответвлений, каждое из которых стремится на поверхность, становясь входом в одну из таких глубоких шахт.

Викара находится в четырех километрах от одной такой шахты.

Этот проход должен был быть заблокирован взрывчаткой, и мы бы ни за что не смогли пробиться через него, имея только термальные копья и боевые орудия. Вместо этого он предусмотрительно оставлен открытым для нас, однако, я заметил змеящиеся кабели от мощных зарядов взрывчатки, покрывающей всю арку.

— Я подумал вы шутите, — сказал Бардольф, когда его доспех включил освещение. — И это единственно возможный путь?

— Да.

Я услышал вздох в воксе: — Вы конечно же понимаете, что сканирование ауспиком там внизу еще хуже, чем на поверхности.

— Я подумал вы шутите, — сказал Бардольф, когда его доспех включил освещение. — И это единственно возможный путь?

— Да.

Я услышал вздох в воксе: — Вы конечно же понимаете, что сканирование ауспиком там внизу еще хуже, чем на поверхности.

— Да я понимаю, но до Викары четыреста километров пути, — сказал я ему. — И у нас нет повода надеется, что мы сможем пройти такое расстояние по поверхности, оставаясь не замеченными.

— Тогда я надеюсь вы знаете дорогу,

Я вызвал топографическую карту подземной сети на навигационный планшет. Архимагос Кирано связался с контролером железнодорожной сети и затребовал самую современную схему подземных путей.

Я загрузил карту моим рыцарям и группе Хоукшрауд, прорезая тьму туннеля светом фонарей. Свет Бардольфа присоединился к остальным.

Свет едва проникал на 50 метров вперед.

— Грегор, Мартин, — сказал я, — займите позиции у арки, и проследите, что никто не последует за нами.

— И ничего не выйдет кроме нас, — добавил Бардольф.

— Подорвите эти заряды, если последует массированная попытка проникновения через этот туннель, — сказал я сиру Грегору. — Не важно, внизу мы или нет. Ясно?

Оба рыцаря сигнализировали о принятии приказа, и я шагнул по направлению ко входу в туннель. Актис Бардольф двигался рядом.

— Вы видели штампы обновления на этих планах, я все правильно понял? — спросил он.

Я ждал этого.

— Да, — сказал я, — семьдесят два года назад.

— Выходит так что, что бы не оказалось там внизу, уже не совпадает с вашей картой.

— Это правда, — согласился я. — Император защитит и присмотрит за нами в этом мраке.

Я вступил в чернильную тьму туннеля, прежде чем Бардольф или кто-либо из моих рыцарей смог возразить мне.

Следы ксеносов

Ее ручка скрипела по поверхности бумаги быстрыми и уверенными движениями. Кассия всегда могла сказать какие именно страницы она написала, когда Малкольм уходил на войну. Даже если он был в пределах Вондрак прайм — что она считала оскорблением для своего мужа — и находился в соединении с броней.

Страницы этой книги еще свежи и не тронуты, она совсем недавно попала к ней в руки от местных торговцев. Кассия не решалась выходить сама, вместо этого она послала одного из юных слуг, приписанных к Кадмус, чтобы тот нашел ей новую книгу. Этому недалекому простаку потребовался целый день чтобы выполнить поручение, но ожидание того стоило.

Кассии нравились разные запахи бумаги с различных миров. Мягкий аромат витал над книгой, когда она записывала события дня, разговоры и мысли.

Бумага с Райсы пахла землей и дымом, как если бы ее годами хранили в погребах. Бумага с Грифона-IV была глянцевой и устойчивой на разрыв, но оставляла химический налет на пальцах, когда она перелистывала страницы. Бумага Вондрака обладала приятной на ощупь, грубой, зернистой текстурой, пахла пеплом и древесным дымом. Завтра Кассия пошлет мальчика за еще одной, если конечно он запомнил, где ее купил.

Кассия почувствовала холодный сквозняк, гуляющий по коридору, подняла глаза от книги и окинула взглядом пустой коридор. Она сидела в широком алькове окна на верхних уровнях крепости лорда Оудена. Ей требовалось одиночество, чтобы собраться с мыслями, в апартаментах женщин одиночество было в дефиците.

Несносный ребенок Айкатерины снова взялся за свое, его пронзительный вопль обладает уникальной способностью проходить сквозь стальные двери и стены из монолитного камня. Она ушла без сопровождения, дабы спокойно исследовать крепость и поискать укромное место для записи воспоминаний.

Уильям и Айкатерина видели своего сына в рядах рыцарей Кадмус, но у Кассии нет такой уверенности в будущем своего сына. Если он быстро не окрепнет, то не переживет обряд становления. Первые ощущения юноши, после соединения с тронем Механикус, навсегда станут частью его, а этот ребенок все еще боялся своей собственной тени.

Перо Кассии быстро забегало по странице. Судьба еще не одарила их ребенком, но это случится скоро. Семя Малкольма было сильным, а у Кассии в роду много здоровых женщин с широкими бедрами, даровавших жизнь множеству сильных сыновей и крепких дочерей. Когда она решит, что готова и настало время Малкольму дать ей ребенка, Кассия не позволит кричащему дитя опозорить ее своим плачем.

Она остановила на мгновение запись, чтобы взглянуть через цветное окно на город внизу. Вондрак прайм готовился к сражению. Эйлина говорила, что слышала переговоры Хранителей о ксенорое, прорвавшем южный фронт и уже двигавшемся на город.

Даже если это правда, Кассию это никак не волновало.

Она читала информацию. Флот улей Гидра немногочисленный рой, и не шел ни в какое сравнение с силой Левиафана. Она видела поля боя и подготовку к войне сотни раз. Эта ничем не отличалась от предыдущих, и потеря одного фронта еще не причина для паники.

Кассия отвернулась от сцен подготовки и вздрогнула от удивления.

Она была уже не одна.

Адепт в черной робе с закрытым капюшоном лицом стоял, сложив руки перед собой. Мягкое свечение аугметики и слабый свет от керамической лицевой пластины, единственные подсказки о том, что могло таиться под робой.

— Мои извинения, леди Кассия. — Я не хотел пугать вас.

— Тогда вам не стоило так чертовски хорошо подкрадываться ко мне, словно какой-нибудь проклятый ассасин, — резко выдала Кассия, захлопнув книгу и поправив платье. Она

осмотрела его еще раз, на предмет опознавательных знаков, вроде вышитых рун, или шестерни, или аквиллы, но ничего не было.

— Кто вы? — спросила она. — И откуда вам известно мое имя?

— Мое имя Адепт Немоникс, — сказал он. — И я занимаюсь тем что знаю великое множество вещей.

— Вы из Механикус?

— Я служу воле Омниссии, — сказал он. — Но, суть моей службы вам не известна.

— Это не похоже на ответ.

— Могу я присесть? — спросил Немоникс, затем сел, не дождавшись разрешения. Даже после того как он расположился на освещенном участке, свет не решался проникнуть под его капюшон. Она лишь заметила неясные очертания его керамической маски с одним мерцающим глазом посередине, в форме полусферы, и тремя вертикальными прорезями, там, где она ожидала увидеть рот.

Несмотря на нечеловеческий внешний вид, его поведение казалось любопытно человеческим, а голос полностью органическим. Кассия моментально что-то заподозрила.

— Что вам нужно адепт Немоникс?

— Это настоящая книга у вас в руках? — спросил он, пропустив ее вопрос.

— Да.

— Вы знаете, как необычно сейчас для людей читать книгу, сделанную из бумаги? Лишь один на тридцать тысяч читают что-то кроме инфопланшетов и религиозных брошюр. Я нахожу это неизмеримо грустным. Впечатление от чтения уже совсем не то, когда ты не чувствуешь запаха новой книги, не ощущаешь ее текстуры кончиками пальцев.

Кассия улыбнулась, соглашаясь с этим и взглянула на его руки. Они были абсолютно гладкими, как у манекена с витрины магазина. Она не смогла представить его с книгой.

— Мы согласны хотя бы в этом, — сказала Кассия.

— Не возражаете, если я спрошу, что вы читаете?

— «Сферы Стремления» — ответила Кассия, назвав первую пришедшую на ум книгу с полок Малкольма. Сама мысль рассказать адепту о ее журналах казалась неправильной на фундаментальном уровне.

— А, эзотерическая философия Гидеона Рейвенора, — сказал Немоникс. — «Хаос привлекает доверчивых и уязвимых. Истинный человек может бороться с его объятьями, если его вера сильна, если он укрепит свою душу броней отвращения».

— Вижу вы читали ее.

— Конечно, — сказал Немоникс. — Для кого-то моей профессии читать необходимо. Я знаю и другие примеры его работ, если они пришлись вам по вкусу. Лично я, нахожу Рейвенора слишком сухим. Его бывший наставник напротив, такой человек кто знает, как написать действительно страстный рассказ.

— Что конкретно вы хотите, Адепт Немоникс?

Он кивнул и сказал: — Я уже собирался сказать.

— Тогда пожалуйста, окажите мне честь.

— Конечно, — сказал Немоникс, — ваш муж, сир Малкольм.

— Что на счет него?

— Он храбрый воин, прирожденный лидер. Он может стать отличным мастером дома Кадмус, если барон Роланд когда-нибудь решит сложить свой древний меч.

Губы Кассии изогнулись в усмешке.

— Вам придется вырвать его у него силой, — сказала Кассия. — Роланд не намерен передавать власть, даже тому, кто ее заслуживает. Знали ли вы, что Малкольм всего лишь на три убийства отстал от Роланда в этом году?

— Да, я знаю, — сказал Немоникс. — Я изучал пикты и результаты био-сканеров с недавней Охоты. И не хочу показаться грубым, но Роланд имел значительное преимущество во время Охоты.

— Какое преимущество?

— Его доспех «Копье».

Кассия разочарованно вздохнула: — Нет, он не пользовался этой броней во время Охоты, он сказал, что это изменит баланс сил.

— Конечно, это так, но слишком долгая связь с таким прекрасным образцом технологий изменило процессы ввода в его мозгу воина. Да, Роланд носил обычную броню «Странник» во время Охоты, но его разум и связь и броней гораздо лучше, чем кто-либо из рыцарей когда-либо имел.

Кассия не знала насколько это было правдой, но звучало убедительно. Как еще Роланд мог держаться на месте лидера так долго?

— Вы думаете, Роланд знает об этом?

Немоникс выпрямился и слегка подался назад от такого предположения, каждая деталь его языка тела демонстрировала его глубочайшее и искреннее сожаление, в том, что он принес такую информацию.

— Я уверен, что Роланд не понимает насколько улучшились его когнитивные связи с броней, — сказал он. — У меня нет сомнений в благородстве барона, и в его убеждении, что продолжающийся успех на Охоте — это результат превосходных навыков. Но...

— Зачем вы говорите мне все это? — спросила Кассия.

Немоникс колебался, как если бы не был уверен в твердости почвы, по которой он ступает. Затем, все-таки решился.

— Роланд отправился на поиски невероятно ценной для Механикус реликвии, но оставил своего лучшего рыцаря в стороне? Простите, если я переступаю границы, леди Кассия, но это не похоже на решение компетентного лидера. Больше похоже на дерзкого ребенка нежелающего делить славу с верным союзником.

Кассия согласно кивнула и произнесла: — Что вы предлагаете?

Немоникс наклонился вперед, как будто опасаясь, что разговор могут подслушать, хотя они были абсолютно одни.

— Я могу помочь Малкольму, — сказал он. — Я могу помочь ему выиграть следующую Охоту и дать Кадмус лидера, которого он достоин. Я могу организовать процедуру усиления для его рыцаря технологиями Механикус, так, что никто не узнает. Улучшить его наведение на цель, улучшить оружие и подобное.

— Разве Хранители не заметят перемены в его рыцаре?

Немоникс покачал головой, не смотря на его непроницаемую маску, она почувствовала его веселье.

— Хранители? О, перестаньте. Кто, как вы думаете, обучает их? Они обеспечивают рутинные ритуалы благословения, ничего сверх этого. Никто даже не поймет, что перед ними, и не попытается понять для чего это.

— И вы можете устроить это сейчас? — спросила Кассия, представляя Малкольма, шагающего под каменными сводами Цитадели Големов, во главе рыцарей Кадмус.

— Конечно, я могу, — сказал Немоникс.

Вердус Феррокс — это собрание частично заброшенных, ржавеющих мануфакторий на южной оконечности Вондрак прайм. Большая часть рабочего оборудования была разобрана и перенесена во все еще функционирующие кузницы. Тем не менее, в просторных сооружениях, то тут, то там, все еще стояли громоздкие цилиндрические перемалывающие машины, гудящие от сокрытой силы.

Механикус давно забыли, как отключаются эти машины, поэтому они стоят, и вхолостую выпускают токсичные газы из вентиляционных отверстий.

Многочисленные виадуки для руды и отходов проходят прямо над головой, некоторые ведут в закрытые штольни в стенах, другие в изолированные очистные под землей. Большинство остаются незадействованными. Местами капающие отходы собирались в едкие лужицы. Зернистая взвесь висела в воздухе подобно туману.

Это была заброшенная выгребная яма, заключил Малкольм, а Хранители сборщика Текстона тратили свое время на подготовку всего этого к войне. Как заявил сам Текстон, это место было слишком заброшенным, чрезмерно поврежденным и отрезанным от остального производства, чтобы вот так просто восстановиться.

— Это заледеневшая куча дерьма, — согласился Малкольм. — Так что хватайте термальный ленс и дуйте туда, иначе я возьму свой, и засуну вам его глубоко в загрузочный разъем.

Это мотивировало их на работу.

Он величественно вошел в комплекс, маневрируя между качающихся стопок арматуры, и гор ископаемого топлива, возвышающихся даже над его броней. Рыцарь выкрикивал приказы тысячам Хранителей через охотничий горн.

Груды боеприпасов слишком близко к топливным резервам? Переместить их. Пункты сбора недостаточно далеко от потенциальной ударной волны? Переназначить их. Сервиторы и наемные рабочие двигаются слишком медленно? Мотивируйте их суровым выговором.

Разговор с Кассией прошлой ночью сильно взволновал его, и он вымещал свое недовольство на несчастные толпы вокруг.

Крики и запугивания не самый лучший способ командования, но он давал свои результаты. Вердус Феррокс начинал выглядеть вполне подходящим для службы рыцарскому дому в военное время.

Сир Гаррат и остальные рыцари Кадмус обходили периметр вдоль городских стен. Малкольм знал, что его репутация достаточно внушительна, но Джейми Гаррат был чем-то совершенно особенным. Человек с характером дикой кошки, позиционировал себя как чемпион аутсайдеров.

Возможно по причине его более низкого происхождения из низших семей Райсы. Он дрался зубами и когтями за место в рыцарском доме Цитадели големов; Гаррат нравился Малкольму, но он понимал, что спиной к нему лучше не поворачиваться.

— Как все проходит Гаррат? — спросил Малкольм. — Это место уже не выглядит как мученик на пути к Императору.

Сир Гаррат остановился, даже через треск вокса и непроницаемый вид доспеха, было видно, что молодой человек разочарован службой в Вондрак прайм. Остальные рыцари продолжили патруль вокруг комплекса.

— Да всем плевать! — выпалил Гаррат. — Не мы должны защищать это место, так ведь? Чертовы скитарии и гвардейцы выдержат первый удар любого сражения.

— Вполне справедливо, — согласился Малкольм, поворачиваясь к открытым воротам кузнечного комплекса позади него. — Это если они решаться появиться здесь.

— Скорее бы, я слышал, что южный фронт сложился как райсанский мутант под ногой рыцаря.

— То же слышал и я, — сказал Малкольм. — А когда маленькие люди побегут прочь, кто остановит тварей от вторжения?

— Только Кадмус, — сказал Гаррат, салютуя «Жнецом» и ускоряя ход его зубьев.

— Только Кадмус, — повторил Малкольм, шагнул навстречу и ударил плоской стороной лезвия о лезвие Гаррата. Окружающие Хранители подпрыгнули от удара тяжелых орудий и попятились назад, опасаясь, что они затеяли дуэль. Бинарное предупреждение Текстона возникло на планшете Малкольма, но он проигнорировал его.

Мимолетное движение на одном из виадуков попало в поле зрения Малкольма. Он взглянул вверх. Там что-то было. Вспышка света на мокрой поверхности. Нечто гладкое и блестящее.

— Джейми, — рявкнул он, — отходи к воротам и закрой их сейчас же.

— Что? Зачем?

— Выполняй, черт возьми.

Гаррат опознал серьезный тон голоса Малкольма, и без лишних слов повернул своего рыцаря, широко шагая через бросившихся врассыпную Хранителей. Его горн издал возрастающую ноту призыва к оружию. Ответный гул эхом раздался со всего Вердус Феррокс.

Малкольм активировал боевой ауспик поверх своих чувств и почувствовал жар агрессии, наполняющий конечности. Химические шунты активировали подачу дофамина по каналам аугметического мозга, ускоряя когнитивную скорость.

— Что во имя мошонки Роланда здесь происходит?

Его пространственное чувство стало гораздо острее и всеобъемлюще. Он видел все вокруг. Строения отошли на задний план, в то время как цвета Хранителей и сервиторов стали насыщенней, выделенные синим цветом.

Пульсирующие цветки красного появились на дисплее. Наверху, позади, и в стороне, в основном наверху. Малкольм направил рыцаря вперед, расправил плечи и мысленно активировал боевую пушку.

Прицельная сетка появилась перед ним. Он сфокусировал ее на основной арке виадука.

— Только не на моей вахте, вы ничтожные...

Прогремела пушка. Один раз, затем еще.

Арка взорвалась, распалась на части от попаданий двух фугасных снарядов. Дымящиеся осколки посыпались на землю, лавиной расколотого камня и металла вперемешку с пылью. Среди обломков виднелись тела. Тела ксеносов.

Они сыпались из разрушенных остатков виадука нескончаемым потоком. Тысячи сломанных ксено-тварей с вытянутыми черепами, скрюченные в неестественных позах, падали барахтаясь конечностями в воздухе.

Дюжины были мертвы, но тысячи все еще живы.

— Отходите! — крикнул Малкольм, паля из наплечных тяжелых стабберов по чужим падающим

с качающей конструкции. — Она сейчас рухнет!

Стальные подпорки взорвались, разлетевшись на осколки как расщепленное дерево, увлекая за собой весь виадук. Тысячи тонн стали и камня рухнули в оглушающем визге рвущегося металла и воя чужих.

Штольни в стенах заполнили визжащие твари, с острыми конечностями и зубастыми мордами.

— Рыцари Кадмус! — крикнул Малкольм. — Гаунты в стенах!

Смерть удушающими щупальцами сдавливала тьму. Все виды наземной техники, тягачей, мотоциклов, рудодобывающей техники, агротехнических машин, топливных танкеров и перевозчиков руды, наполняли туннель. Я изолирован от запаха гниющей, сожжённой плоти, но я предположил, что она должно быть невыносима.

Спеченные тела сидели внутри выжженных каркасов машин, как будто терпеливо ожидали спасения. Прочие неуклюже раскинулись поперек рельса, или были беспомощно прижаты к выглаженным мельтой стенам. Я видел повреждения от огня повсюду. С трудом веря, что причина ему легко воспламеняемая руда, обычно перевозимая здесь.

Рухнувшие скалы заблокировали туннель, менее чем в километре от черной утробы через которую мы спустились в этот бесцветный ад. Наши орудия с легкостью пробили завал, но у этих людей не было шанса ни добраться до временного убежища, ни спастись от огня, пожирающего воздух и плоть.

— Император смилостивиться над ними, — сказал Антонис, свет от его доспехов пробежал по восьмиколесному транспорту, по крайней мере тридцать людей лежало вокруг него. В основном это были женщины и дети.

— Я бы сказал, что у него не осталось милосердия для этих несчастных, — сказал Актис Бардольф.

— Имей чертово уважение, — вспылил Уильям.

Зрелище столь многих мертвых, детских тел, взволновало нас всех, но Уильяма это затронуло в особенности. Он оставил ребенка в Вондрак прайм: сына с больными легкими, как сказала мне Корделия. Нужно быть особенным человеком, чтобы видеть мертвых детей и при этом не бояться за своих.

— Я не хотел проявить неуважение, сир Уильям, — сказал Бардольф.

— В таком случае не говори дурного о мертвых, и тем более с пренебрежением к Императору, — прошипел Уильям.

— Я не делал этого, — ответил Бардольф. — Я лишь озвучил то, что увидел.

Я шагнул между Уильямом и Бардольфом.

— Эти люди мертвы, и ваш спор не вернет их к жизни, — сказал я. — Их путь уже окончен, а нам нужно двигаться дальше.

Сир Родерик шагает рядом со мной, его броня покрылась влагой от капающей воды. Из трещин в потолке капала талая вода с горы. Внезапно я похолодел при мысли о миллионах тонн скалы над нами.

Лужи черной воды отражали мельтешащие лучи прожекторов. Я выбрал путь через останки убегающих людей и почерневших машин, продвигаясь через пробоины где это было возможно, и работал с Родериком над созданием новых.

Мы идем медленно, по прошествии дней наши сканеры перестали работать как нужно. В замкнутом пространстве, с таким количеством металла вокруг, возникает легкий шум помех и временные всплески активности на сенсорах, досаждающие мне весь день.

Прожекторные лучи гнулись и плясали на каждом километре пути, отбрасывая монструозные тени. Я боролся с реакцией, возникающей на эти угрожающие очертания, но примитивный защитный механизм, сформировавшийся в наши ранние годы, когда мы по-настоящему боялись теней, так просто не перебороть.

Карта на планшете дергалась от помех. Это предварительно загруженный поток данных, устойчивый к факторам глубины и металлических составляющих горы.

Что-то здесь внизу тревожило мой доспех.

На третий день путешествия, личный канал между моей броней и Актисом шелкнул в соединении.

— Вы уверены, что мы все еще идем по верному курсу? — спросил Бардольф.

— Я уверен, — сказал я, хотя мне пришлось выбрать несколько поворотов, в местах, где я был недостаточно уверен.

— Моя карта говорит об обратном.

Я остановил рыцаря и повернулся лицом к мастеру дома Хоукшрауд.

— Если вам есть что сказать, говорите сир Бардольф.

— Я говорил вам, я не лорд.

— Тем не менее, вы думаете, что мы идем неверным путем?

— Пока еще нет, но ваша карта безнадежно устарела, и я знаю, что вам пришлось угадывать несколько туннелей, — ответил Бардольф. — Рано или поздно, вы выберете не тот путь, и эта ошибка погубит нас.

Я старался удержать свой гнев, это непросто, когда духи рыцарей предков кружат вокруг трона Механикус. Они расценили слова Бардольфа как неуважение, и желали, чтобы я наказал его.

Лишь оценка Корделии данная дому Хоукштрауд, не давала раздражению контролировать мои суждения.

Хоукштрауд преданы тем, кто заслужил их уважение, и, хотя наша репутация бежит впереди нас, Кадмус еще предстоит доказать делами свою ценность перед Бардольфом.

— Я Магна Прецептор, — сказал я, надеясь, что его почтение к этому званию закончит спор.

— Я уважаю это, — сказал Бардольф. — Но это может продлиться недолго, если вы заведете нас в тупик.

— Это угроза?

— Это обещание, потому как все мы будем мертвы, — сказал он. — Как долго по вашему мнению мы можем протянуть, если вскоре не найдем выход? Когда мы доберемся до Викары, наши рыцари будут нуждаться в дозаправке и перезарядке, и я не думаю, что мы сможем найти выход отсюда на своих ногах. А вы?

И вновь прежние рыцари Кадмус метались в ярости от его дерзости, часть меня хотела присоединиться к их негодованию. Я хотел разозлиться на Бардольфа. Хотел отклонить все его опасения.

Но он был прав.

Я вздохнул и сказал: — Вы правы, сир Бардольф. Я столь одержимо хочу показать Механикус что дом Кадмус может функционировать и без них, что я совершенно пренебрег жизнями наших храбрых рыцарей.

— Делать ошибки легко, — сказал Бардольф, — но признавать их непросто. Впредь давайте их не делать.

— Согласен, — сказал я. — Продолжим?

— Конечно, — ответил Бардольф, разворачивая рыцаря в обратном направлении, — и побыстрее, нас преследуют.

Первая кровь

Ауспик не справлялся с таким множеством целей, и Малкольм заглушил его раздражающий визг. Он не нуждался в предложении наилучшей цели, промахнуться было невозможно.

Боевое оружие выбивало круглые кратеры в бетоне. Изломанные тела чужих и осколки бетона, подлетали вверх с каждым ударом детонирующих снарядов. Стабберы прорубались сквозь рой гаунтов. Счетчик боеприпасов не крутился так со времен Грифона-IV.

— Держите их подальше от врат, — приказал он, пятясь назад между огромной машиной и упавшей опорой разрушенного виадукса. Дюжины тварей неслись ему навстречу. Невозможно сильные конечности, мощными прыжками толкали их вперед, зарываясь когтями в пол. Монстры толкали друг друга в неудержимом желании добраться до рыцаря. Он расстрелял большинство, но по крайней мере десяток тварей остались в живых, чтобы прыгнуть в сторону его головы.

Малкольм активировал ионный щит и отбросил их в воздух. Остальные встретились с ревушим цепным лезвием, и мгновенно обратились в черные сгустки материи.

Сотни клыкастых чудовищ, лились потоком из штольни в сотне метров левее Малкольма. Он развернулся и дважды дал залп из боевой пушки, накрывая весь рой.

Даже после этого они продолжали извиваться под грудой камней.

Он вновь услышал стрекотание и развернулся, с грохотом опуская ступню на группу роящихся хищных существ.

Человеческая составляющая Вердус Феррокс пала перед когтями ксеносов. Нечеловеческие люди-киборги и слишком человечные Хранители, разрывались на части прежде, чем смогли хоть как-то защитить себя.

— Текстон, черт возьми! Уводи своих людей отсюда, сейчас же!

Их крики боли остро задевали Малкольма. Он прекрасно знал, какой это ужас для человека из

плоти, столкнуться с кровожадными убийцами. Он увидел, как одна тварь проткнула Хранителя насквозь, чтобы затем другая откусила ему голову. Громоздкие сервиторы молчаливо стояли, в то время как их яростно потрошили. Наемные рабочие немилосердно истерзанные, истекали кровью, изливающейся из кошмарных ран.

Бегущие к воротам мужчины и женщины, незамедлительно получали удар когтями в спину. Едкая кислота жгла их, а хитиновые шипы рубили ноги, не давая далеко убежать.

Гаунты убивали и пожирали всех, кто попадался на пути.

Стабберы Малкольма прорубили дорожки из перемолотого мяса, через тиранидский штурм. Каждый цельнометаллический снаряд орудия, разрывал одного гаунта на части. Их жизненная жидкость была черного цвета и маслянистой консистенции, некий чужеродный ихор заменявший им кровь.

Зов охотничьих горнов сообщил ему о расположении его рыцарей.

Гаррат следовал приказу, и пробивал свой путь к воротам. Фарримонд задерживал поредевшие группы врага, стрельбой из стаббера и взмахами меча. Ревущие зубья его лезвия разбрасывали ксеноплоть на пятьдесят метров вокруг.

Вассей удерживал заслонку штольни, чей блокирующий механизм оставался предательски открытым. Чужеродные существа вливались внутрь из-за пределов стен. Малкольм не знал, как они вообще нашли путь внутрь.

Каждый вход должен был быть опечатан.

Тем не менее, авангард их сил ворвался в Вердус Феррокс, и Малкольм не собирался пропускать их дальше. Будь он проклят, если позволит ксенорою добраться до Вондрак прайм и дома Кадмус.

Энох и Силиус появились возле него, их орудия раскалились до красна.

— Мы пойдем? — спросил Энох.

— Нанесем мощный ответный удар, — предложил Силиус. — Сдерживание и резня. Совсем как на Охоте.

Малкольм столь же страстно желал ринуться очертя голову в растущую массу чужих. Давить, резать и взрывать их до состояния однородной массы.

Но это совсем не походило на Охоту.

Там рыцари только и делали что убивали. Сейчас же у Малкольма была задача защищать тех, кто вокруг.

Роланд возложил на него долг, оказал ему честь, которую помогла ему понять Корделия. Будущее дома Кадмус было в руках Малкольма, хотя и не в том виде, в каком его обрисовала Корделия.

— Нет, — ответил он. — Защищайте Хранителей Текстона. Потеряем их, потеряем Кадмус. Наша основная задача защитить их, и предотвратить распространение этих проклятых тварей за пределы Вердус Феррокс.

Малкольм усилил важность поставленных задач, ярко описав предстоящую битву за Вердус Феррокс. Он отдал приказы на сжатом боевом наречии их родного мира, и рыцари разделились.

Они убивали тварей осаждающих Хранителей, расчищая путь аккуратными очередями стабберов и точечными ударами термального копья. Несколько своих были потеряны в заградительном огне, но лучше пожертвовать несколькими, чтобы спасти большинство.

— Прямо как первые рыцари, а? — сказал Вассей, расплющивая пробегающую группу гаунтов.
— Как пастухи, оберегающие свое стадо от монстров.

— Ага, — согласился Малкольм, переключаясь на резервный боезапас. — Только я не планировал есть кого-то из этого стада.

— Здесь найдется несколько с лишним мясом, — смеялся Вассей, прорубаясь через группу гаунтов зашедших с фланга. — Возможно они могли бы...

Он никогда не закончит свое предложение.

Головная секция его рыцаря взорвалась в бурлящем шаре бело-зеленого огня.

— Император! — выругался Малкольм, глядя на сверкающие дуги электричества, бьющие из доспеха Вассея. Обугленное тело, охваченное разноцветным пламенем, выпало из рыцаря.

Призрачный след мерцающего огня шел из штольни, обрушенной им ранее. Огромные куски каменной стены, с невозможной легкостью парили вокруг нее в воздухе.

— Горны Райсы, что это? — сказал Энох.

Обрюзглое существо с извивающимся телом, висело посреди парящих камней. Голова представляла из себя вытянутый гидроцефалический кошмар пульсирующей плоти и

сегментированных пластин. Атрофированные конечности и рудиментарные отростки, свисали с тела, дергаясь в судорогах.

Мерцающий туман пси-энергии, висел вокруг твари. Оружейный ауспик безуспешно старался зафиксироваться на ней.

— Зоантроп, — процедил Малкольм.

Он напряг энергосистемы брони, целясь в парящее существо. Оно повернулось в его сторону, обнажив клыкастую пасть и злобно сверкая глазами.

— Оставайтесь на станции! — приказал Малкольм. — Защитите Хранителей.

Его боевая пушка заревела вновь. Еще больше тел испарилось и развалилось на части. Те из них, кого не задело непосредственным взрывом, вывернуло наизнанку образовавшимся после взрыва сверхдавлением.

Зоантроп оставался невредим, огонь и ударная волна обтекали его тело, словно они существовали в его собственном пространственном пузыре. Группа гаунтов понеслась Малкольму навстречу, повинувшись воле морщинистого зверя.

Его «Жнец», широкими взмахами пожинал жизни тварей. Черный ихор брызгал из разделенных хитиновых тел. Огонь стаббера сдирал с них плоть, тела горели и взрывались изнутри, он с наслаждением слушал как они вопили прежде чем умереть.

Габариты Малкольма тоже служили оружием. Каждый его шаг, уничтожал группы мельтешащих под ногами существ.

Зоантроп уже близко, достаточно близко для удара.

Он увидел болезненную плоть зоантропа, пульсирующую некой внутренней иллюминацией. Тот же свет сверкал в глазах гаунтов, мечущихся вокруг него так, будто он питался какой-то живительной эссенцией от них.

Пронзительный выстрел того же бело-зеленого огня, убившего Вассея, копьём вылетел к Малкольму. Он поднял ионный щит и ощутил обжигающий жар столкновения. Малкольм задергался в конвульсиях на своем троне Механикус, его руки словно погрузили в мельтапламя.

Дисплей взорвался потоком изумрудных искр, дождем упавших с потолка кабины. Хоть он и осознавал, что его руки из плоти были не задеты, симпатическая боль соединения была более чем реальна.

Его рыцарь зашатался, гиросtabilизаторы работали, чтобы удержать его в вертикальном положении. Неуклюжие шаги раздавили пригоршню гаунтов, но еще больше окружало его с каждой проходящей секундой его замешательства.

Малкольм выпрямил рыцаря и взглянул чудовищу в глаза. В этих черных, бездушных пропастях, он увидел себя погибающим в тысячах смертей, разорванным на части стражами монстра и съеденным кусочек за кусочком. Он увидел Кассию, обглоданную до костей червеобразными тварями, сплошь усеянными зубами. Он увидел своих еще не рожденных детей, разрубленных пополам серповидными конечностями. Все, что было ему дорого, он увидел поглощенным внутренностями улья, каждый момент их существования подчинился монструозному сверхразуму.

— Убирайся из моей головы! — крикнул Малкольм, запуская дозу стимулятора ярости из химдиспенсера. Хранители предупреждали его об использовании этого вызывающего привыкания стимулятора, но сейчас он нуждался в дозе чистой, неконтролируемой ярости.

Боль ворвалась в каждый невральный рецептор в его черепе, и Малкольм закричал, когда она ножом прошла по его телу. Его вены наполнились огнем, а разум растущим гневом, направленным на само существование омерзительного существа.

Это уже не было зоантропом, теперь это просто еще одна тварь, которую необходимо устранить. Оно даже не заслуживало опознавательного имени. Малкольм врезался в монстра, ударяя головой о бронированную голову существа. Костяные пластины раскололись, и густая, светящаяся жидкость хлынула наружу.

Он ощутил его боль, и наслаждался тем, как она проходит по чудовищу.

— Я подотру твоей шкурой свой зад, — сказал он, и протаранил ревущим лезвием его извивающуюся нижнюю часть.

Мясистый мешок рудиментарной части, разорвался по всей длине от грубого столкновения. Мягкие, склизкие внутренности вытекли из него наружу.

Куски зоантропа с влажным хлюпаньем свалились с его меча. Его тело было лишено массы, пустое внутри, словно продырявленный мочевого пузырь. Парящие камни попадали вниз, затем раздался посмертный крик, прокатившись по пространству подобно ударной волне от артиллерийского удара.

Роящиеся гаунты остановили наступление, вереща и извиваясь от симбиотической боли. На мгновение, Малкольм осмелился подумать, что это было единственное существо, направлявшее прожорливые стаи.

Но, в следующее мгновение, гаунты уже облепили его, в отчаянии взбирались по ногам, соскальзывали, вгрызались когтями и зубами и взбирались вновь.

Все еще под действием наркотика, Малкольм ударился о стену. Попавшие между броней и стеной гаунты, пронзительно завопили. Меч снял еще нескольких с поверхности доспеха, но этого было недостаточно. Он увидел троицу монстров, ползущую к его голове. Ему не требовались ни сканер, ни ауспик чтобы заметить их, они были прямо у него перед лицом.

Когти царапали бронестекло его кабины, нанося глубокие порезы. Клыкастые пасти двигались вверх и вниз по стеклу, оставляя канавки от кислоты везде, где касались стекла.

Глаза гаунтов, осаждавших стекло, ничего не выражали. В них не было ничего: ни зависти, ни ненависти, ни какой-либо другой эмоции ожидаемой от врага, идущего на все, чтобы убить его.

Лишь слепое стремление убивать. Потому что именно для этого они и были созданы. Стадный инстинкт сводил их с ума. Это были существа, лишённые своей воли, лишь фрагменты улья, крупинцы грязи в песчаной буре.

Они взорвались по всей поверхности стекла.

Малкольм почувствовал множественные удары снарядов стаббера. Недостаточно мощных чтобы ранить его или пробить броню, но достаточно, чтобы почувствовать. Злость взяла его при мысли, что он был атакован своим же воином, и он инициировал экстренный синаптический сброс, выводящий стимулятор из мозга.

Гаррат появился перед ним, демонстрируя изрядно исцарапанные пластины ножной брони. Чужеродная кровь покрывала его до пояса, из сдвоенных стабберов струился дымок.

— Ты чист, — сказал Гаррат.

— Врата? — спросил Малкольм, ощущая во рту сухость и вязкость от остатков стимулятора и невральных очистителей.

— Герметичны. Мубаризанцы, две группы машин пехоты и сверхтяжелые машины уже на месте, — доложил Гаррат. — Три «Гибельных клинка» и один «Штормовой молот». Еще больше на подходе.

— Хранители?

— В безопасности, — сказал Гаррат. — Не все, но большинство. Это был смелый вызов, сир Малкольм.

Малкольм кивнул, понимая в какой заварушке побывал, когда ударила головная боль после выхода стимулятора.

— Черт возьми, — сказал он. — Они назовут это победой.

Корделия держала руку сира Фарримонда, в то время как медик заканчивал перебинтовывать его грудь и плечи повязкой из синтетической плоти.

Сражение за Вердус Феррокс случилось десять часов назад, но огнемётчики до сих пор зачищали кузнечный комплекс от оставшихся тиранидов. Защитив Хранителей сборщика Текстона, Малкольм спас дом Кадмус, хотя Корделия не уверена, понимает ли он подлинную ценность своего подвига.

Это победа дорого им стоила.

Джон Вассей и Аксель Роддам погибли в сражении. Фарримонд и Энох получили ранения, а доспехам Малкольма нужен всесторонний ремонт, чтобы он снова пошел.

Фарримонд зарычал, когда последний бинт был затянут, и Корделия сжала его руку. Молодой человек отказывался от обезболивающего, пока Корделия не приказала ему перестать быть таким дураком. Один из недавно повышенных в звании рыцарей, Микель Фарримонд, еще не выбрал себе супругу, (и до сих пор верит, что выбрать предстоит ему) и все еще полон этого безудержного коктейля из дурацкой молодости и эго, заставляющего его думать, что он непобедим.

Он выглядит столь юным.

Черты его лица еще не ужесточились от постоянного напряжения связи с механизированной военной машиной, забирающей немного от своего наездника, во время каждой связи.

Был ли Роланд когда-либо настолько молод? Она предположила, что был, хотя она едва помнила те времена, до его ритуала инициации. Он был молод и импульсивен, как и все они когда-то, но даже до того, как он сел на трон Механикус, он отказывался идти на компромиссы, что и привлекло Корделию к нему.

Эта особенность усилилась ритуалом, и становилась сильнее с каждым годом. Она взрастила его недовольство Механикусами, и когда священники Марса, позволили Кадмус выскользнуть из своей хватки, потребовался лишь небольшой толчок, чтобы побудить Роланда сбросить шестерню.

Дом Кадмус служит Империи, и всегда будет.

— Благодарю вас, моя леди, — сказал Фарримонд, как только медик отправился к другому несчастному.

— Вы были очень храбры, сир Фарримонд, — сказала она, когда его глаза начали закрываться,

подаваясь болеутоляющему. Корделия положила его руку возле него и встала на ноги, расправляя свое платье.

— Очень храбрым, — сказала она снова, затем развернулась и направилась вниз по главному коридору медицинского здания. Три сотни коек с ранеными, выстроились вдоль каждой стороны широкого помещения, как скамьи в храме, где страждущие приходят проявить почтение вечно голодному богу страданий.

Она отринула эту мысль, как недостойную и опасную.

Это был только один этаж из пятнадцати. Одно медицинское здание из семи. Раненные с рухнувшего южного фронта потекут сюда с медиками прим, и это лишь вопрос времени, когда переполненные здания достигнут предела вместимости.

Корделия не единственная женщина, кто пришел поддержать раненых; женщины Кадмус разошлись по различным уровням здания. Эйлина мягко играла на скрипке в дальнем конце залы, в то время, как Кассия читала вслух книгу Себастьяна Тора. Музыка Эйлины и слова Кассии, гармонично слились воедино, облегчая страдания тех, кто пострадал на службе Императору.

Музыка подошла к концу, как и поэма Тора о смерти и безумии Высшего лорда, достигла финала. Несколько раненых хлопали, большинство просто улыбались, несмотря на свою боль. Некоторые потребовали продолжения, но вмешалась Корделия и подняла руки.

— Отважные души, — произнесла она. — Моим дорогим сестрам требуется отдых перед тем, чтобы снова вернуться к вам. Вы бы хотели, чтобы Эйлина стерла пальцы до кости, или чтобы Кассия утратила голос? Наберитесь терпения и силы духа, и они вскоре вернуться к вам, я обещаю.

Слова Корделии возымели желаемый эффект, раненые стиснули зубы и стоически переносили свои травмы. Они не осмелились показать слабость перед леди, и показать, что с них требуют больше, чем должно. Корделия кивнула своим подругам, и они вышли из главного отделения больничного здания.

Женщины нашли уединение в небольшой часовне, вдали от тесных рядов коек с больными. Помещение купалось в янтарном свете и приторном запахе давно умерших цветов. Скромная статуя Императора разместились в мягко освещенном алькове, встав на колени перед раненым солдатом, Он врачевал его раны Своим божественным светом.

Они преклонили колени и поклонились перед Повелителем Человечества, прежде чем сесть на потертые деревянные скамьи. Эйлина разминала одеревеневшие пальцы, а Кассия потирала уставшие глаза.

— Длинная ночь, — сказала Эйлина.

— Вы отлично справились, — подбодрила их Корделия. — Множество раненых людей выжило здесь, благодаря вам двоим.

— Но что полезного мы сделали? — спросила Кассия.

— Не недооценивай силу красивого лица, когда его видит раненый солдат, — сказала Корделия. — Вы видели их лица, когда вы прекратили играть и читать? Вы помогли, и вы продолжите помогать. Когда тираниды окружат Вондрак прайм, здесь будет гораздо больше раненых.

Это была отрезвляющая мысль, и три женщины сидели в тишине размышляя над этим.

— Кто-то должен ответить за это, не так ли? — сказала Кассия.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Эйлина.

— Вам стоило послушать Малкольма, когда он вернулся в апартаменты после битвы. Слова, которые он использовал...

— Хуже, чем обычно? — спросила Корделия.

Кассия медленно кивнула.

— Гораздо хуже.

— Была особая причина? — спросила Корделия. — Кроме очевидной, конечно.

— Он всерьез намеревался содрать кожу со сборщика Текстона, и носить ее как плащ, — сказала Кассия. — Таким образом, он продолжал еще какое-то время, перечисляя те ужасные вещи, которые он сотворит с ним.

— Текстон? Почему он?

— Потому что тираниды каким-то образом попали внутрь Вердус Феррокс, — сказала Корделия. — А Хранители Текстона отвечали за опечатывание каждого входа внутрь.

— Определенно, они забыли один.

Корделия покачала головой. Она говорила с Фарримондом, и его точка зрения о том, как проходило сражение, не совпадала с предположением о недосмотре или халатности служителей.

— В чем дело Корделия? — спросила Эйлина. — У вас такой взгляд, как будто кому-то грозит опасность.

— Я знаю Текстона, — начала она. — Он настолько дотошен до мелочей, насколько слуга Бога-Машины вообще может быть. Как бы много входов не было в Вердус Феррокс, он не пропустил бы ни одного.

— Что вы предполагаете? — спросила Эйлина.

— Что кто-то впустил зверей внутрь.

— Кто мог сделал подобное?

Корделия вздохнула. Как бы она не любила это, и все же вновь оказалась права.

— Кто-то, кто извлечет выгоду, оставив дом Кадмус без Хранителей для обслуживания рыцарей, — сказала она. — Такая организация, которая будет счастлива предоставить новых Хранителей, если только мы подтвердим свою лояльность к Марсу.

— Вы думаете, Механикус способен на такое? — вздохнула Эйлина, ее щеки покраснели от нарастающего негодования.

— Я думаю, что они так отчаянно хотят вернуть нас назад, что способны пойти на что угодно, лишь бы осуществить это.

Кассия смахнула прядь волос с лица. Корделия заметила особое выражение в ее глазах. Робкое и напряженное одновременно.

— Что-то не так? — спросила Корделия.

Кассия улыбнулась: — Несколько дней назад, меня посетил некий адепт, назвавшийся Немониксом. Он поведал мне кое-какие интересные вещи.

— Расскажи мне все, что он тебе сообщил.

Участок горы взорвался приличным гейзером камней и дыма. Дневной свет резко ворвался в железнодорожный туннель, и отвыкшие от света авточувства, слегка дрогнули, когда закрывали мои глаза от яркого солнца.

Актис Бардольф сделал выстрел; хорошее попадание пары снарядов, пробило дыру через заваленный выход из шахты. Недостаточно широкую, чтобы рыцарь мог пройти, но Хоукшрауд

уже работают над ее расширением, прорубаясь через завал лезвиями. Больше света полилось внутрь.

Родерик подошел ко мне.

— Как вы думаете, что ожидает нас снаружи? — спросил он.

— Если повезет, ничего, — ответил я, совсем на это не рассчитывая.

Так же думал и Антонис: — Если за нами следовали по туннелю, рой будет знать где мы. Будьте готовы к бою, сир Родерик.

— Они будут знать, что мы под горой, — сказал я. — Но, оттуда ведет множество потенциальных выходов.

— Они могут ждать возле каждого из них, — сказал Антонис.

— Тогда ты примешь бой раньше, чем ты себе представляешь, — сказал я, шагая вперед. Хоукшрауд расширили дыру достаточно, чтобы пройти троим рыцарям в ряд, на минимальном расстоянии друг от друга. Вполне возможно, что мы будем в спешке отходить этим же путем, вероятно с группой чужих на хвосте. Чем быстрее мы сможем оказаться под землей с нашим трофеем, тем лучше.

Актис Бардольф ожидал меня на выходе, появившимся благодаря его рыцарям. Рельсы подо мной выгнулись вверх. Я распрямил их своей массой; одной помехой для отступления меньше.

Зернистое изображение Бардольфа оскалилось на дисплее, когда он произнес: — После вас, Магна Прецептор.

— Вы слишком любезны, сир Бардольф, — ответил я, прощупывая ауспиком пространство за пределами затянутой дымом арки. Ничего не нашлось, но тираниды большие мастера по части засад.

— Вы действительно верите, что нас преследовали? — спросил я.

— Я знаю это.

— Ни один из моих рыцарей ничего не увидел.

— Вы бы хотели увидеть ликтора?

— Нет, похоже, что нет, — признал я.

— Мы можем вернуться, — предложил он, озвучив предательские мысли, действовавшие мне на нервы с тех пор, как Бардольф сказал, что за нами хвост. — Если вы считаете, что целая армия ждет нас на той стороне прохода, одно ваше слово, и я завалю его обратно.

Я направил рыцаря вперед, осторожно ступая между развалинами арочного прохода, разнесенного в клочья снарядами пушек. Я вышел на свет, и отошел от прохода, вытягивая все доступные мне сенсоры. Бывшие пилоты помогали мне в этом, меняя восприятие окружения так, как я не смог бы сам. Все сводилось к одному заключению.

Я один на этом склоне горы.

Я подал сигнал остальным рыцарям, и они парами покинули шахту, низко пригибаясь к земле. Тени на камнях сказали мне, что уже далеко за полдень, солнце за горой оставило эту сторону в тени.

— Викара, — произнес Бардольф, двигаясь к укрытию за вертикальным куском обуглившегося гнейса. Он указал вниз своим лезвием.

По началу, сложно разглядеть что-либо среди леса расплзающихся, переросших деревьев, вытесняющих жизнь с окружающего ландшафта, но затем я увидел то, что осталось от города.

От его стен остались лишь осыпающиеся руины, а башни из стали оплела чужеродная фауна, гигантские хребты органической материи, выступали над городскими площадями и главными улицами, выбрасывая токсичные миазмы в атмосферу.

— Это больше похоже на руины заброшенные столетия назад, как это могло случиться так быстро, — озадачено произнес я.

Наши рыцари все еще выходили из туннеля, и я приказал им увеличить скорость. Мы уже должны двигаться. Каждую секунду что мы простаиваем, шанс, что нас заметят, растет по экспоненте.

За чертой города, возвышаясь над городскими шпилями, грозно стояли на горизонте титанических размеров небоскребы. Все небо застилало сплошным, болезненно-желтым туманом.

— Похоже, что местность была терраформирована, — отозвался Бардольф.

— Подозреваю, что именно это и произошло, — согласился я.

В городе присутствовало движение, на таком расстоянии было сложно сказать, что именно его производить. Но, одно видно точно.

— Храм все еще стоит, — произнес я.

Расположенный на ближней к нам стороне, он выглядит как оазис нормальности. Посреди буйной ксенофлоры, стоит одинокая трапециевидное сооружение. Единственное среди городских строений, оно осталось нетронутым мерзкими растениями.

— Что окружает его? — спросил Бардольф. — Это пустотные вспышки?

Я думал о том же. Дымка отражающей энергии обволакивала храм, создавая впечатление как будто я смотрю через ряд бесконечно меняющихся линз. Я сморгнул раздражение от слишком долгого наблюдения.

— Мои сканеры не могут сфокусироваться на храме, — сказал Бардольф, в первый раз говоря без уверенности в голосе. — Он не регистрируется ауспиком. Если бы я не видел его собственными глазами, я бы мог поклясться на аквиле, что там нет ничего, кроме ксеноформ.

— Кирано поведал мне, что Бинарный апостол, якобы, разработал особый тип барьерных технологий, — ответил я. — Возможно, это побочный эффект какого-то щита, неизвестного прежде.

Последние рыцари покинули каменные недра горы.

— Тогда будем надеяться, что там есть вход для нас, — произнес Бардольф.

— Есть только один способ выяснить это, — сказал я, направляясь вниз по склону со всей доступной мне скоростью.

Мы были в полутора километрах от Викары, когда ауспик сигнализировал угрозу. И она была не одна — тираниды во множестве окружали нас. Стаи летающих хищников поднялись в воздух за городом, очерняя небо оборванными крыльями и хлещущими хвостами. В тот же самый момент, плотная листва вокруг нас, ожила различными организмами и дрожащей растительной жизнью, не типичной ни для одного Имперского мира.

Я перевел каждую крупницу мощности из своей брони, понимая, что скорость — наш единственный союзник здесь. Мы можем сражаться, но столкновение с любым из существ только замедлит нас. Промедление в нашем случае подобно смерти.

— Слева, — крикнул Бардольф.

Я рискнул взглянуть в том направлении и увидел сотни прыгающих, скачущих существ. Какая-то разновидность гаунтов. Они слишком скрыты растительностью, а мы слишком быстро движемся, чтобы как следует идентифицировать их.

— Справа тоже! — предупредил Антонис.

— Только стабберы, — приказал я. — Продолжаем движение.

Плечевые установки открыли огонь по сторонам, удерживая зверей на расстоянии. Я поднажал, пилотируя броню за пределами безопасных режимов. У сборщика Текстона найдется пара слов для меня, когда увидит состояние моего энергоядра.

Я переключил частоту вокса на коллектор храма-кузницы, и транслировал бинарные коды, данные мне архимагосом Кирано. Он заверил меня, что какой бы магос не руководил там, он все поймет.

Тягостные секунды тянулись без ответа, и я боялся, что Корделия может быть была права в своих подозрениях на счет архимагоса.

Но затем вокс ожил ответными всплесками бинарики. Я не мог ее понять, даже будучи соединенным с живой машиной, посредством спинных кабелей. Но, моя броня смогла, и отобразила вектор движения на дисплее.

Вход внутрь.

Я раздавил остатки наземной машины на пути, когда повернул по направлению предложенного курса.

Мы достигли главной дороги, и наша скорость заметно возросла.

Существа двигались параллельно нам, каждая группа преследователей, медленно и неумолимо шла на сближение. Другая двигалась на перехват впереди. Я выстрелил в ближайших тварей из стабберов. Трупы существ рухнули, и скрылись в неразберихе бегущего роя.

Затем, я перешел через руины городской стены и зашагал через улицы.

Здания, разрушенные голодными био-организмами, мелькали по обе стороны от нас. Кислотный дождь, вкупе с искрящимися спорами, падали вниз. Я поднял ионный щит, ограждая себя от большей части этого. Достаточно, чтобы остаться в живых. Недостаточно, чтобы уберечь броню от кислотных ям и бороздок.

Мы следовали вектору движения, петляя по узким улочкам Викары. Всегда впереди роя, но это

только пока. Они дьявольски хорошо скоординированы, и у нас кончается свободное пространство для маневра. Свежие стаи наводнили всю округу, ведомые ужасным единым разумом.

Вскоре я увидел визуальные искажения, накрывающие перекресток перед нами. Я повернул за угол на полной скорости, при этом воздух передо мной скрутился в волны, словно тепло над дорогой. Пред нами предстала храм-кузница, гордо стоящая на гептагональной площади.

Но в ее очертаниях было что-то неправильное.

Как если бы храм был ничем иным, как замершей проекцией на заднем фоне Театрика Импералис. Неубедительная иллюзия, в которую я на свою беду поверил. Особенно когда мой ауспик подтверждал, что передо мной ничего нет. Все что он видит, это пустое пространство, и я практически замедлился, когда представил, как серьезно нас предали.

Прежде чем я это сделал, дымка вокруг храма пропала. Она не потускнела, не растворилась, ее просто не стало. И вместо недвижимого изображения неповрежденного храма, я увидел потрепанную конструкцию на грани коллапса. Витки энергии вырывались со всех его сторон, дым клубился из бессчётных вентиляций.

В любой другой день, в любое другое время, я и близко не подпущу своих рыцарей к этой критической массе, готовой взорваться с минуты на минуту.

Под полукруглой аркой стоял рыцарь, в броне бледно голубого цвета и с оранжевыми шевронами, окантованными черным. Флаг, изображающий стоящего на дыбах единорога, развевался на его плече.

Его «Жнец» приглашал нас войти.

Дважды просить меня было не нужно: группы гаунтов всех мастей, приближались со всех сторон. Мы окружены и больше некуда бежать.

Мой вокс-приемник вернулся к жизни. Без изображения, только звук.

Отчаянный голос рыцаря, напряженный и невозможно далекий.

— Бегите! — взмолился голос. — Они могут перенастроить щит лишь на мгновение.

И мы бежали.